
ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.41
УДК: 94(571.53)
ББК 63.3(253)

Л.М. ДАМЕШЕК
Д.П. ХЛЕВОВА

ОТРАЖЕНИЕ СОСТОЯНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДОВ СИБИРИ В XIX ВЕКЕ В МЕМУАРАХ

Целью работы является оценка состояния и развития культурной среды городов Сибири XIX в. на основе мемуаров. Новизна исследования состоит в том, что в данной работе взгляд на культурную среду городов Сибири представлен «под другим углом», собранные и систематизированные данные дополняют научную картину, сформированную в ходе работы с разнообразными историческими источниками личного происхождения, которые, в контексте взгляда именно на историю культуры, остаются сравнительно малоизученными. Результатом работы является оценка культурной жизни городов Сибири XIX в., выявление определенных тенденций на основе воспоминаний современников.

Ключевые слова: город; культурная среда; мемуары; декабристы.

L.M. DAMESHEK,
D.P. KHLEVOVA

REFLECTION OF THE STATE AND DEVELOPMENT OF CULTURAL ENVIRONMENTS OF SIBERIAN CITIES IN THE XIX CENTURY IN MEMOIRS

The aim of the work is to assess the state and development of the cultural environment of the cities of Siberia of the XIX century on the basis of memoirs. The novelty of the research lies in the fact that in this work the view of the cultural environment of Siberian cities is presented “from a different angle”, the collected and systematized data supplement the scientific picture formed during the work with various historical sources of personal origin, which, in the context of looking at the history of culture, remain relatively little studied. The result of the work is an assessment of the cultural life of the cities of Siberia of the XIX century, the identification of certain trends based on the memoirs of contemporaries.

Keywords: city; cultural environment; memoirs; Decembrists.

Изучение мемуарных источников позволяет исследователю проанализировать исторические события, явления, процессы через призму времени. Особенно интересно в данном контексте изучение сибирских

документов. Мемуаристика данного региона богата, поскольку составителями ее были авторы разного культурного, национального, сословного происхождения. Свои воспоминания, так или иначе касающиеся Сибири, оставляли купцы и чиновники, постоянные жители региона и путешественники, декабристы и ссыльные поляки.

Сам термин «культурная среда» – это совокупность материальных и духовных элементов, с которой взаимодействует человек в процессе создания и освоения культурных ценностей. К ее элементам можно отнести: систему образования и воспитания, систему средств информации и пропаганды, систему культурно-просветительских учреждений, торговлю продукцией культурного назначения.

В данной работе изучение мемуарных источников, тех отрывков воспоминаний, которые так или иначе связаны с культурной средой, поможет дополнить представление о состоянии и развитии этой области жизни.

Прежде всего, хотелось бы еще раз отметить, что происхождение авторов мемуаров, род их занятий, эпоха, в которую они жили, накладывает на всю работу определенные особенности. Казалось бы, очевидно было бы начать с воспоминаний декабристов. Ведь именно с массовым появлением в Сибири политических ссыльных, людей образованных, просвещенных, мемуаристика данного региона получила широкое развитие (этот факт в своей работе отмечает и Н.М. Матханова) [1, с. 151]. Но, к сожалению, в рассмотренных источниках («Записки» В. И. Штейнгейля, «Записки моего времени» Н.И. Лорера) упоминаний о культурной среде почти нет. Больше внимание авторы уделяли в них событиям своей жизни: самому восстанию, пути в Сибирь, условиям жизни в тюрьмах и на поселении, и т. д. [2; 3].

Зато след декабристов, их вклад в культурную жизнь освещен в других работах. «Записки» Марии Николаевны Волконской в разделе «Иркутск» начинаются с очень показательного упоминания: «Моему удивлению и восторгу не было предела, когда я увидела клавикулы, которые моя милая Зинаида Волконская велела привязать сзади моей кибитки, тихонько от меня. Это внимание было тем более ценно, что в то время во всем Иркутске имелось лишь одно фортепяно, которое принадлежало губернатору» [4]. Конечно, жена декабриста не ставила перед собой цели подробно описать состояние культурной среды города, в котором она оказалась, но даже эта незначительная деталь позволяет сделать следующие выводы: во-первых, товаров культурного, а точнее, музыкального назначения в Иркутске не было; во-вторых, проезд декабристов в Сибирь был еще и, в некоторой степени, явлением культурным.

Другой близкий к декабристам мемуарист, Николай Андреевич Белоголовый, врач и общественный деятель, в своих воспоминаниях уже

более позднего периода оставил следующие впечатления, которые можно связать с развитием культурной среды: «Юшневский кроме того был хороший музыкант и слыл чуть ли не лучшим учителем для фортепиано в Иркутске, но искусство это в нашей глухой провинции в те времена не пользовалось большим распространением и не могло прокормить учителя. На свои городские уроки А. П. уезжал раза три в неделю утром и возвращался часу в первом к обеду» [5]. Эти мемуары относятся уже к середине XIX в., но, судя по свидетельству Белоногового, уровень в развитии музыкального творчества в Иркутске по-прежнему оставался слабым. Однако все же это не сравнимо с 1820-ми гг., когда в городе был лишь один клавишный инструмент.

Есть у Белоногового отрывок воспоминаний, связанный с уже упомянутой женой декабриста Сергея Волконского: «Княгиня Марья Николаевна Волконская, была дама совсем светская, любила общество и развлечения и сумела сделать из своего дома главный центр иркутской общественной жизни... Однажды задумано было устроить домашний спектакль из мальчиков, собиравшихся в доме Волконских; не помню, кто был распорядителем и кого угораздило выбрать для этого фонвизинского «Недоросля»...» [5]. Данный эпизод из жизни Николая Андреевича, во-первых, показывает, что в Иркутске в середине в XIX в. уже были, пусть и любительские, но все же театральные постановки, причем на постоянной основе. В салоне Марии Николаевны регулярно проходили музыкальные вечера, ставились пьесы, обсуждались последние события в мире литературы и искусства, поэтому его можно даже назвать, хоть и с оговорками, учреждением культурно-просветительским.

К слову, в возрасте более сознательном, Николай Андреевич еще раз затронул тему театров как части культуры города: «С этими первыми театральными впечатлениями, испытанными на моем веку, связано у меня несколько забавных воспоминаний, которые я приведу здесь для иллюстрации того уровня, на каком находилось в Сибири около половины XIX столетия сценическое искусство, и для этого позволю себе небольшое отступление... Начать с того, что представления прибывшей тогда в город труппы происходили в небольшом деревянном бараке, построенном в центре городского сада, живописно раскинувшегося по берегу Ангары; барак этот был так неказист и мал, что когда я приехал в 1854 г. в Иркутск уже юношей и нашел на окраине этого сада вновь выстроенное здание благородного собрания или клуба, то для прежнего храма Мельпомены не нашли лучшего употребления, как обратить его в кухню для нового собрания. Наивность и публики, и актеров не далеко ушла от эпохи Аристофана – и у меня еще тогда врезалась в память одна афиша, на которой после названия пьесы и поименования действующих лиц стояло примечание, предупреждавшее посетителей, чтобы они не думали,

что актер такой-то выйдет на сцену в действительно пьяном виде, а что опьянение это будет кажущееся, требуемое исполняемою им ролью» [5]. Из этого отрывка явно следует, что в середине века в городе уровень учреждений культурно-просветительского характера было крайне низок, даже до комичного. Ведь постановщикам даже пришлось дать горожанам разъяснение в афише относительно исполняемой актером роли, что свидетельствует о том, что не так много постановок прежде было в Иркутске.

Но не об одной лишь столице Восточной Сибири были найдены в мемуарах упоминания о состоянии культурной среды. Достаточно богатым источником в этом отношении являются «Заметки из моей жизни, собственноручно мною записываемые на память многочисленному семейству» Семена Богдановича Броневского, атамана сибирского казачьего войска, Восточно-Сибирского генерал-губернатора в 1834-1837 гг. Много лет прослужил он в регионе, хорошо знал это край. И, хотя, основная часть мемуаров отведена биографии, личной жизни и деятельности мемуариста, не обошел он стороной и культурную жизнь населения: «В войске (Сибирском), поставляемом на такую ногу, невозможно было обойтись без музыки и трубачей. Последних, если по 10 на полк, то нужно, кроме конной артиллерии, 100 человек. Учить некому. Данный мне из 18-го Егерского полка штаб-валторнист Епинешников плохо играл на трубе; и инструменты, и ноты куплены, но играть не умели, хотя трудилось множество учеников, помещенных возле моей квартиры, в крепости... В 1813 г. в числе военнопленных, присланных на службу в Сибирь, были очень хорошие музыканты. Лучших человек 25 я выпросил себе в войско, приняв их по страсти моей к музыке, в личное мое заведование» [6]. Из данного отрывка следует, что личная заинтересованность автора в данной сфере культуры поспособствовала ее развитию в регионе.

Деятельность Броневского не осталась незамеченной и произвела на сибиряков сильное впечатление. Это можно подтвердить воспоминаниями другого выдающегося мемуариста, к работам которого мы еще обратимся позже. Всеволод Иванович Вагин, публицист, историк, общественный деятель, в «Моих воспоминаниях» обратил внимание на полковой казачий оркестр, в котором были одни поляки, что сильно удивило автора.

Также Броневский отмечает, что по его просьбе: «... нарочный привез из Петербурга полный хор духовых инструментов и нот», Семен Богданович даже набрал молодых казаков в ученики, чтобы передать это таинство музыки и дальше. Броневский, не без удовольствия, писал: «Вдруг явилась в Омске музыка, какой там, от сложения мира, не слышали. Богемцы, немцы и поляки удивляли своей игрою» [6].

Отмечает Броневский и вклад отдельных творцов, в частности, «знаменитого музыканта нашего Александра Александровича Алябьева,

который с удивительной охотой трудился над музыкантами, производя чудесные успехи» [6]. Отдает он дань и польскому ссыльному К. Волицкому. Это был «бывший офицер Польской армии, образовывавшийся в Парижской академии музыки, учитель и дирижер превосходный» [там же].

Итогом своей деятельности Семен Богданович дает следующую оценку: «... подняли войсковую музыку на высокую степень. Всякий инструмент имел солистов для концерта. Моя музыка всегда находилась при корпусной квартире, доставляя усладительное развлечение всем в скудном и суровом краю. Про себя откровенно скажу, что если бы не было музыки, я, может быть, десятью годами ранее оставил бы Сибирь» [там же]. Для казачьего атамана организация культурно-просветительского музыкального кружка стала отдушиной, и, одновременно, позволила повысить уровень культурной среды региона.

Приехав же в 1834 г. генерал-губернатором Восточной Сибири в Иркутск, Броневский занялся и здесь своим любимым делом: «Музыка везде есть не последнее звено общественной жизни. Иркутск не мог ею похвалиться. Я застал такую, которую можно уподобить неподмазанной и идущей наперекор механике мельнице, пожалуй» [там же]. В данной характеристике мы не можем не согласиться с мемуаристом, подтверждение его словам, мы уже находили в кратком воспоминании Марии Николаевны Волконской. Броневский же подчеркивал свою роль в улучшении положения: «Привезенные мною 6 даровитых музыкантов и подформирование порядочных из поляков, ссыльных и кантонистов, под управлением славного скрипача Алексева, из людей графа Аракчеева, сосланного по известной истории несчастной Настасии, составили оркестр не только для балов, но и для концертов, дававшихся много раз к удовольствию публики, в пользу бедных и в пользу музыкантов... Летом играла музыка ежедневно в саду и на разводах» [6]. Одним словом, именно в данном труде ярко представлен процесс развития музыкальной культуры в двух крупных городах Сибири. Конечно, нельзя исключать некоторую предвзятость автора, нескрываемую его любовь к этому виду искусства и его стремление показать свой личный вклад в развитие. Однако все же Броневскому стоит отдать должное и как мемуаристу, подробно запечатлевшему эту сторону жизни, и как общественному деятелю.

Теперь можно перейти же к мемуарам второй половины XIX в. В них круг тем, касающихся культурной среды, отличается от предшествующего периода. Так, особое внимание уделялось теме любительского и городского театра. К примеру, в воспоминаниях В.С. Кропоткиной отмечается, что нередко в Иркутске интеллигенция, энтузиасты, молодые люди, получившие высшее образование в Центральной России и вернувшиеся в провинцию, устраивали любительские спектакли [7]. В воспоминаниях

Веры Себастьяновны важный эпизодом ее жизни отмечено посещение пьесы Островского «Бедность не порок». И, хотя постановка не столько повлияла на мемуаристку с точки зрения культурного развития, сколько на ее дальнейшую судьбу и личную жизнь (Кропоткина встретила на спектакле со своим будущим мужем), все же из данного воспоминания, мы можем сделать вывод о том, что учреждения культурно-просветительские действовали уже на регулярной основе, для горожан это было не диковиной, а рациональным проведением досуга.

Особого внимания заслуживают воспоминания Всеволода Ивановича Вагина, цитата из которых же была приведена выше. И в контексте изучения культурной среды через призму мемуарных источников, богаты на различные свидетельства времени его дневники. Именно в них мы находим упоминания о системе образования (тема, совершенно не встречавшаяся прежде в рассмотренных работах): «на Сукачева, говорят, был донос, что он все полученное им состояние (огромное) употребил на дело сепаратизма. Доказательством его сепаратистских стремлений приводили то, что он учреждает в городе школу, разумеется с целью пропаганды, и распространяет свою зловредную деятельность этого рода даже за пределами города, именно учредил школу в Куде» [7]. В данном воспоминании важно обратить внимание на то, что, во-первых, политическая элита в Иркутске (а дневниковые записи Вагина так или иначе связаны с этой сферой жизни общества, так как он вел их, прежде всего, чтобы осветить свою деятельность гласного в городской думе) использовала сферу образования и изменения, которые ее затрагивали в своих целях, для борьбы с оппонентами, во-вторых, с другой стороны, мы также можем подчеркнуть, что в регионе развитие культурной среды по-прежнему оставалось в поле деятельности меценатов, а не государства.

Затрагивает Всеволод Иванович деятельность еще одного культурно-просветительского учреждения, о котором мы пока не помнили, – библиотеки: «Когда городская дума в 1873 году обратила внимание на городскую библиотеку, она прежде всего признала нужным удостовериться в ее положении и для этого избрала комиссию из компетентных лиц. Комиссия работала несколько месяцев, результатом работы ее был обширный доклад и проект правил об управлении библиотекой... Что библиотека удовлетворяла и теперь удовлетворяет потребностям местного общества, это можно видеть уже из того, что, несмотря на существование нескольких бесплатных библиотек, число подписчиков городской библиотеки постоянно увеличивается... Я нахожу, что библиотека нуждается не в преобр[азованиях], а только в улучшениях, впрочем во многом серьезных. Главными из этих улучшений должны быть увеличение личного состава и денежных средств библиотеки: последнее нераз-

рывно связано с первым. Затем должны идти – разделение подписчиков на разряды, изменения в порядке разделения на отделы и составление каталогов, выписки книг, отчетности (особую книгу)» [7]. Как следует из данного описания, библиотечное дело в городе развивалось, пользовалось популярностью. Этот факт свидетельствует уже о достаточно высоком развитии культурной среды города к концу XIX в., к которому относятся записи.

Наконец, еще одним источником конца XIX века являются воспоминания историка Серафима Шашкова. В них он пишет об отце: «Мой отец был настоящий артист, хорошо играл на скрипке, виолончели, гитаре и фортепьяно, имел превосходный тенор, отлично пел, был даже композитором. К тому же он представлял из себя редкое между тогдашним духовенством явление по своей начитанности, был хорошо знаком с литературой, следил за журналами. В молодости он писал даже недурные стихи» [8]. Из данного небольшого отрывка мы можем сделать вывод о том, что развитие музыкальной культуры с начала и до конца века преодолело колоссальные рубежи: ведь если, по свидетельствам очевидцев, в 1826 г. в городе было лишь одно фортепиано, а к 1882 г. уже были отдельные представители культуры, освоившие несколько инструментов, то мы можем сказать, что действительно такие сферы как система образования и просвещения, торговля предметами культурного назначения и система культурно-просветительских учреждений не стояли на месте.

В заключение, хочется еще раз подытожить выводы по работе. Во-первых, все воспоминания, касающиеся развития культурной среды в Сибири, фрагментарны, ни один из рассмотренных нами авторов не посвящал в своих трудах этой теме отдельных разделов, соответственно, полной картина на основании одних лишь этих источников. Во-вторых, наиболее раскрытыми темами являются музыкальная и театральная культура, так как эти сферы не только позволяли полезно проводить досуг, но и переплетались с судьбами и личной жизнью мемуаристов. В-третьих, именно благодаря этому комплексу источников мы можем под другим углом (без сухих цифр, зато с личными приятными и неприятными впечатлениями) оценить состояние и развитие культурной среды.

Список использованной литературы и источников

1. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX в. / Н.П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. – 551 с.
2. Лорер Н.И. Записки моего времени / Н.И. Лорер. – Москва : Правда, 1998. – URL: http://az.lib.ru//lorer_n_i/text_1867_zapiski.shtml (дата обращения: 12.12.2021).

3. Штейнгель В.И. Записки / В.И. Штейнгель. – URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1780-1800/Steingel_V_I/text2.htm (дата обращения: 10.12.2021).
4. Волконская М.Н. Записки / М.Н. Волконская. – URL: http://az.lib.ru/w/wolkonskaja_m_n/text_zapiski.shtml (дата обращения: 12.12.2021).
5. Белоголовый Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах / Н.А. Белоголовый. – URL: http://az.lib.ru/b/belogolowyj_n_a/text_0040.shtml (дата обращения: 12.12.2021).
6. Броневский С.Б. Заметки из моей жизни, собственноручно мною записываемые на память многочисленному семейству / С.Б. Броневский. – URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/Bronevskij/text1.htm.shtml> (дата обращения: 17.12.2021).
7. Мемуары Сибиряков. XIX в. / сост. Н.П. Матханова ; отв. ред. Н.Н. Покровский. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11481350_5992410.pdf (дата обращения: 12.12.2021).
8. Шашков С.С. Автобиография / С.С. Шашков. – URL: http://az.lib.ru/s/shashkow_s_s/text_1882_autobio_oldorfo.shtml (дата обращения 12.12.2021).

Информация об авторах

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Иркутский государственный университет, эл. почта levdameshek@gmail.com

Хлевова Дарья П. – магистрант исторического факультета, Иркутский го-сударственный университет, эл. почта dasha.hlevova@mail.ru

Authors

Lev M. Dameshek – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, *Irkutsk State University, Irkutsk, Russia*, levdameshek@gmail.com

Dasha P. Khlevova – master's student of the Faculty of History, *Irkutsk State University*, dasha.hlevova@mail.ru